

ВОСЬМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

WITNESS 8

СТИВ КАВАНА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К12

Steve Cavanagh

WITNESS 8

Copyright © Steve Cavanagh 2025

Кавана, Стив.

К12 Восьмой свидетель / Стив Кавана ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Британия).

ISBN 978-5-04-235433-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Руби Джонсон работает няней и горничной в богатых семьях, живущих на престижной улице Манхэттена. Она знает про них всё. Их распорядок дня. Их секреты. Всё.

Однажды ночью, возвращаясь домой, Руби становится свидетельницей убийства. Она знает жертву. Она знает преступника. Руби анонимно звонит в полицию и называет имя убийцы. Но говорит неправду... Она затеяла смертельно опасную игру, которую обязана выиграть.

Эдди Флинн, бывший мошенник, ставший успешным адвокатом, должен защищать человека, обвиняемого в этом ужасном преступлении. Задача почти невозможная — у прокурора на руках весомые улики. Кроме того, у них есть реальный свидетель убийства — аноним, имя которого не разглашается, — стоящий в списке свидетелей под номером 8. Его показания должны решить исход обвинительного приговора. И Флинну приходится играть вслепую...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-235433-5

© Артём Лисочкин, перевод
на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Джону Вуду, человеку-легенде

Сила семьи, как и сила войска,
кроется в верности друг другу.

Марио Пьюзо

Пролог

РУБИ

С Руби Джонсон точно что-то не так.

Так говорила ее бабушка.

В последнее время Руби частенько припоминались эти бабушкины слова. Она давно уже не маленькая. Ей двадцать два года. Она теперь старше, определенно мудрее и, наверное, лучше понимает себя. Руби вообще нередко приходилось убеждаться в том, что она не такая, как все остальные люди. Особенно в подобные моменты.

Времени было уже к полуночи. Стоя за кухонным столом, Руби помешивала кофе в чашке на кухне, которая была почти вдвое больше всей ее собственной квартиры. Кухня представляла собой часть таунхауса¹ стоимостью в тридцать пять миллионов долларов в Верхнем Вест-Сайде Манхэттена. Хозяева, Чед и Лара Пуллер, могли вернуться уже в абсолютно любой момент. Они были из новых клиентов Руби. Она работала у них всего пару месяцев. Наверху, в своих просторных и дорого обставленных спальнях, креп-

¹ В США таунхаусом принято именовать семейный дом в два этажа и выше, имеющий как минимум одну общую стену с соседним и расположенный, как правило, в городской черте. При этом, в отличие от большинства британских таунхаусов и домов шпалерной застройки, примыкающие друг к другу здания могут значительно отличаться своей архитектурой, планировкой и этажностью. — *Здесь и далее прим. пер.*

ко спали шестилетняя Клара и Зара, которой недавно исполнилось три годика. Примерно сорок процентов работы Руби приходилось на присмотр за детьми. В основном же она работала горничной и уборщицей у всяких состоятельных и влиятельных обитателей Западной Семьдесят четвертой улицы. Чтобы купить здесь дом, нужно быть очень богатым. Плюнь в любую сторону, и обязательно попадешь в успешного бродвейского продюсера, пластического хирурга, генерального директора компании из области высоких технологий или еще какую-нибудь фигуру из списка «Форчун-500»¹. В любое время дня и ночи у тротуаров можно обнаружить автомобили на общую сумму от двенадцати до тридцати миллионов долларов.

Эти люди жили здесь уже поколениями. Обладатели старых нью-йоркских денег, а не жалкие скоробогатеи, сколотившие состояние на трущобной недвижимости и изображающие из себя миллионеров, — эти люди были реально богаты.

Безумно богаты.

А то, что Руби допускалась в их дома присматривать за детьми, мыть полы и стирать белье, объяснялось тем, что некоторые из них всё еще помнили, что Руби — одна из них.

Или, по крайней мере, некогда была.

Что она не какая-то там пришлая. Что она из *их* круга.

Или же так они думали.

Когда-то у семьи Руби тоже водились деньги.

По крайней мере, ее отец хотел, чтобы люди в это верили.

Руби определенно считала, что принадлежит к таким людям.

¹«Форчун-500» — список 500 крупнейших компаний США по размеру выручки, составляемый журналом Fortune. Впервые составлен в 1955 г.

Только вот бабушка Руби считала иначе.

Помешивая кофе, Руби смотрела на темную жидкость, на свое собственное отражение, теряющееся в закрутившейся спиралью кофейной пенке в центре чашки. И припоминала свою бабушку.

Еще маленькой девочкой Руби сидела на холодных плитках в большом холле дома своих бабушки с дедушкой и подслушивала разговоры взрослых в гостиной.

— С Руби точно что-то не так, — говорила ее бабушка, умная и проницательная женщина.

— В каком это смысле «не так»? Она тихая. Может, немного застенчивая. Но с ней всё в порядке, — возражала ее мать.

Стоило ей заговорить, как Руби уловила в голосе у матери нотки недоверчивого отрицания. Такое легкое подрагивание в горле выдает людей, которые в глубине души и сами знают, что их собеседник абсолютно прав, да только всячески пытаются закрыть на это глаза. Руби знала, даже в тогдашнем своем десятилетнем возрасте, что бабушкино заявление задело мать куда глубже, чем та была готова показать. Воспоминания Руби о бабушке наверняка были смешанными из-за ее невинного юного взгляда на вещи, отчего чуть ли не все виделось в розовом свете, но все-таки были достаточно четкими. Бабушка всегда носила тонкие золотые цепочки, прячущиеся в обвисших складках кожи у нее на шее. Одевалась только во все черное, как будто постоянно носила траур по кому-то, давным-давно потерянному где-то неизвестно где. Вставная челюсть у нее шаталась, придавая ее словам пощелкивающие, шипящие и чмокающие звуки.

Но вот ее глаза...

У бабушки были огромные голубые глаза, которые, казалось, занимали большую часть лица. Они были мутными от возраста, как будто смотрели на все сквозь густой туман, но эти глаза видели абсолютно всё. И вроде как

всегда останавливались на Руби, когда та входила в бабушкину гостиную. Эти стариковские, словно покрытые пылью сапфирово-синие глаза сразу оживали, увидев Руби. В их взгляде не было ни нежности, ни любопытства, ни любви. Скорей проглядывало в них нечто вроде опасливой озабоченности. Так можно смотреть на дикого койота, который случайно забрел к тебе на задний двор.

«С Руби точно что-то не так».

Даже тогда Руби понимала, что ее бабушка права.

Звук открывающейся входной двери вернул ее к действительности. Вытащив ложку из кофейной чашки, она быстро открыла посудомоечную машину и бросила ложку в контейнер для столовых приборов, после чего захлопнула дверцу и повернулась обратно — как раз в тот момент, когда вошли Чед и Лара. Руби расплылась в улыбке.

— Здрасьте, как провели вечер? — жизнерадостно поинтересовалась она.

— Отвратительно. Еда просто никакая, слишком много пустой болтовни... Все эти светские приемы одинаковы. Но это ради благого дела, — ответила Лара, ухватившись за дверной косяк, чтобы стащить с ног вечерние туфли от «Джимми Чу».

Руби воспользовалась случаем, чтобы полюбоваться платьем Лары. Элегантное, черное, оно плотно облегало ее стройную фигурку, подчеркивая все, что только возможно.

— Как там дети? — осведомился Чед, снимая галстук-бабочку и расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

— Спят без задних ног. Просто настоящие ангелочки. Я только что приготовила вам кофейку. Вы оба всегда приходите вовремя, — сказала Руби, протягивая Чеду чашку. — Лара, вам предложить что-нибудь на ночь?

— Лучше просто водички. Все-таки не пойму, как, черт возьми, Чед способен пить кофе в такое время и при этом спать как убитый.

— Наверное, хорошие гены, — отозвался тот.

Набрав кубиков льда из ледогенератора, Руби вылила в стакан Лары десятидолларовую бутылочку исландской родниковой воды.

— Ну что ж, ладненько; если это все, то я, пожалуй, пойду, — сказала она.

— Наш водитель может отвезти тебя домой, — предложила Лара.

— Нет, все нормально. Спасибо, Лара. Вечерок сегодня теплый. Я живу всего в десяти кварталах.

— Руби, кое-какие места в твоём районе...

Но Лара не закончила фразу. Она хотела сказать, что Руби живет в опасной части города. Но это стало бы невежливым напоминанием о том, что Руби больше не принадлежит к обитателям Западной Семьдесят четвертой улицы. Пуллеры, как и все остальные в списке клиентов Руби, знали, что некогда она жила тут. До того, как случилось кое-что плохое.

И все же она была одной из них. Из денежных. Заслуживающей доверия. Надежной.

— Не волнуйтесь. Ничего со мной не случится. Завтра я свободна, если вам вдруг что-нибудь понадобится. Я и вправду обожаю проводить время с этими чудесными малютками наверху. Они просто восхитительны, — ответила Руби.

— Завтра дети под нашим присмотром. Чед поведет их в парк. Просто напиши мне, сколько с меня за сегодняшний вечер, и я переведу, — сказала Лара.

— Супер, спокойной ночи вам обоим. Сладких снов! — отозвалась Руби.

Как только за ней закрылась массивная входная дверь из красного дерева, веселое выражение исчезло у нее с лица. Она сбежала по ступенькам крыльца на улицу.

Никуда Чед завтра детей не поведет...

Вытащив телефон, Руби открыла галерею изображений. У нее имелись фотки ежедневников всех ее клиентов.

Большинство из них просто вешали такие расписания своих ближайших дел на холодильник, некоторые записывали их в небольшие блокноты, брошенные на столик в прихожей, третьи синхронизировали ежедневники в мобильных с «умными колонками» вроде «Гугл Хоум» или «Амазон Эхо», что лишь облегчало доступ к ним.

Завтра в одиннадцать у Лары была назначена встреча с маникюршей, а затем «ланч с девочками». У Чеда — встреча с Джеффом и игра с ним в сквош, в половине девятого утра, после чего поход с детьми в парк.

От рвотного средства замедленного действия, которое Руби добавила ему в кофе, через пару-тройку часов Чада начнет безудержно тошнить. Она ожидала, что около девяти Лара напишет ей, что Чед заболел и лежит в постели, и спросит, сможет ли она днем взять детей на себя.

По субботам Руби брала дополнительную плату, а деньги ей сейчас ох как требовались.

Этот маленький трюк можно было проделать только раз или два. Чед обвинит во всем закуски на праздничном приеме. Прошлой весной Руби ухитрилась таким вот образом работать каждую субботу в течение целого месяца, обслуживая родителей в четырех разных семьях. Вспышка норовируса¹ в одной из школ, где учился кто-то из их отпрысков, послужила отличным прикрытием.

Стоя на тротуаре, она смотрела на дома, выстроившиеся вдоль улицы. Руби знала всех этих людей. Она проводила время в их домах, оставаясь практически незамеченной. Знала содержимое их аптечек в ванной и ящиков с нижним бельем, пароли к электронной почте, истории поиска в интернете, их ежедневники, а в ряде случаев и содержание текстовых сообщений. Она знала их самые сокровенные мысли...

¹Норовирусная инфекция отличается в первую очередь рвотой, диареей и болями в желудке.

Их секреты.

Для Руби знание было силой. Это было еще кое-что, чему она научилась у своей бабушки. И все же, несмотря на все, что она знала о местных жителях и об их жизни, эти знания вроде никак не могли помочь ей решить самую большую проблему из всех.

У Руби возникла очень серьезная проблема. Она уже несколько месяцев провела в тревоге и напряженных размышлениях, до трех часов ночи терзая свой разум и отчаянно пытаясь придумать решение.

Идеи возникали всякие, самые разные. Но вроде ни одна из них пока не подходила для ее целей. И каждую ночь, измеря шагами свою тесную комнатку, не в силах уснуть, Руби проникалась все большей ненавистью к обитателям Западной Семьдесят четвертой улицы. Однако ходьба, похоже, помогала. Как и всегда, когда Руби была чем-то озабочена. Небольшие усилия от физического движения дарили по крайней мере иллюзию того, что она хоть куда-то продвинулась.

Втянув ноздрями запах свежего весеннего дождя на полуденных улицах Манхэттена, Руби направилась домой окольным путем, позволив своим мыслям блуждать вслед за ногами. Проходя мимо приткнувшихся друг к другу домов, она поднимала взгляд на эркерные окна этих старинных краснокирпичных таунхаусов и один за другим мысленно пересчитывала своих клиентов. Руби довелось поработать почти в половине домов на этой улице. В тех из них, где еще не успели воспользоваться ее услугами, либо имелись собственные няни, постоянно проживающие там, либо владельцы прибегали к услугам крупных клининговых агентств. Но со временем и они тоже впишутся. Послушают своих соседей и впишутся. Была даже отдельная группа в «Вотсаппе», в которую входили жители большинства этих домов и люди, на которых она уже успела поработать. Ее так много раз рекомендовали, что кто-то из раздобывшихся клиентов добавил ее в чат.

Руби уже и не помнила, сколько раз ходила по этой улице. Даже еще совсем маленькой она чувствовала себя здесь как дома. Это была *ее* улица, *ее* люди, хотя тогда она их всех и не знала. Однако была здесь своей. Пусть даже и когда-то давным-давно. В хорошие времена.

Помнила Руби и плохие времена. Так называла их ее мать.

Однажды вечером она усадила дочь рядом с собой и сказала, что в их жизни грядут кое-какие серьезные перемены. Что с деньгами теперь проблема. Что ее отец совершил серьезную ошибку. Руби, как и отпрыскам большинства прочих богатых семей, никогда не приходилось задумываться о деньгах. Деньги были всегда — как вода в кране, — и не имелось никаких причин ставить этот факт под сомнение. В последующие дни и недели после того разговора Руби ходила по знакомой с малолетства улице уже с совершенно другим чувством. Она заглядывала все в те же окна, гадая, почему же живет теперь совершенно другой жизнью по сравнению со всеми этими людьми. Каково это — иметь так много денег? Как бы она поступила, если б больше никогда не приходилось беспокоиться о деньгах? Каково это — быть совершенно свободной?

Нынешним вечером все здания на той стороне улицы, по которой шла Руби, были погружены во тьму. Свет горел только в четырех домах напротив.

Питер и Петра Шварцман устраивали очередной светский раут. Они вообще часто затевали подобные вечеринки, всегда только для местных жителей, делая исключение лишь для каких-нибудь знаменитостей. До Руби доносились звуки благопристойного классического джаза и негромкий гул дома, заполненного людьми, которые пили и, скорей всего, вели беседы о своих третьем и четвертом домах, машинах, яхтах и излюбленных винодельческих шато. Руби увидела, что входная дверь дома Шварц-

манов слегка приоткрыта. На улицу вместе с музыкой лилась узкая полоска света. На миг ей захотелось оказаться в этом доме, потолкаться среди соседей. Руби задумалась, что произойдет, если сейчас она войдет в открытую дверь. Почти все, кто там в данный момент находился, были ей в той или иной степени знакомы.

Но она больше не была *одной из них*. С некоторых пор. Наверняка на нее будут как-то странно смотреть. Задавать вопросы. А Шварцманы станут виться вокруг, говоря всем, что Руби определенно не приглашена.

Наверняка там сейчас собрались все, кто хоть что-либо значил на этой улице. Пуллеры не смогли пойти, потому что были на каком-то другом приеме. Ну а все прочие местные жители, которые не присутствовали на этом мероприятии, скорее всего просто не получили сюда приглашения.

У Колчестеров в одной из спален горела лампа, и из окна лился теплый красноватый свет. Как только местные узнали, что те сделали пожертвование на предвыборную кампанию кандидата в президенты, который был непопулярен в этом городе, то перестали разговаривать с Колчестерами.

Гостиная открытой планировки в доме по соседству была залита холодным голубоватым светом, исходящим от холодильника с прозрачной дверцей и откровенно жлобского вида светодиодных лент, наклеенных на черную кухонную плитку. То, что Сатриани были богаты, вовсе не означало, что у них имелся вкус, — по крайней мере, в области интерьерного дизайна. На эту пару тут смотрели чуть ли не как на деревенщин. Свои деньги Сатриани нажили торговлей матрасами. Это были не того рода люди, которых приглашают на приемы Питера и Петры.

Вероятно, еще одна или две семьи с этой улицы тоже не тусовались сейчас у Шварцманов. Но их дома были погружены во тьму.